

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета о диссертации Мусаева Абдурашида Идрисовича на тему «Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России», представленной на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.06. – конфликтология.

Этнизация социальных отношений во всем их многообразии – кросс- temporальная «болезнь» российской политики. Приведу два примера. В западных губерниях Российской империи царское правительство, проводя политику этнобонапартизма, поддерживало и тиражировало представление, ставшее впоследствии неким императивом, что евреи и поляки веками эксплуатировали малорусских, белорусских и литовских крестьян. При этом оно обещало крестьянам освобождение от польского и еврейского ига и одновременно полякам и евреям – защиту от крестьянских выступлений. Во время «поздней» Перестройки Советский Союз столкнулся с проявлением мощного социально-политического кризиса. Однако объективно и спокойно искать выход из него оказалось крайне трудно: чаще всего проблемы конфигурировались, воспринимались и детерминировались в логике этнических противостояний, а в наиболее выпуклой форме – как эксплуатация или даже угнетение одними национальностями (республиками) других национальностей (республик), что неминуемо привело, в конечном счете, к распаду государства.

Теперь обратный пример. В отличие от российской традиции, в современной Индии, например, политики-мэйтеры всячески стараются предотвратить этнизацию социальных отношений, несмотря на явно навязываемый в СМИ индоцентризм. Когда я беседовал с чиновником города Калькутта, он подчеркнул, что социальная политика, которую городская власть проводит в мусульманских кварталах города, отнюдь не является политикой, адресованной исключительно мусульманам; нет, она просто является формой борьбы с бедностью. Такое жесткое и недвусмысленно отрицательное отношение индийских чиновников к этнической интерпретации истоков и реалий социальных процессов вытекает из горьких уроков индо-пакистанской войны.

Учитывая российский контекст, обозначенный выше, представляется актуальным объяснение причины этнизации социальных отношений и также объяснение того, в каких условиях социальные вопросы обостряют этнические конфликты. Постановка проблемы соискателем сразу вселила большие ожидания. Автор сформировал следующую структуру диссертации. В первой главе он дает обзор теорий о национальностях и национальных конфликтах. Во второй главе соискатель объясняет концепцию социальной дистанции и справедливо критикует психологическое

понимание этой концепции. В третьей главе диссертант старается объяснить причинные связи между социальной дистанцией, социальной безопасностью и этническими конфликтами. Думается, если бы соискатель развел собственный тезис о том, что «социально-экономическое неравенство между этносами, ставшее в современных условиях обыденной нормой межнациональных отношений, выражает собой социальную дистанцию, которая формируется и поддерживается государственной политикой, поскольку именно меры государственной политики определяют то, цена рабочей силы каких народов будет наименьшей, а также то, в каких регионах будут концентрироваться бедность, безработица и неразвитость форм организации труда» (с. 146), то он, вероятно, смог бы проанализировать причинные связи между тремя факторами, указанными выше. Однако соискатель не приводит никаких эмпирических данных, поддерживающих упомянутый тезис. Оттого данный тезис выглядит как необоснованное обвинение российского и дагестанского правительства. Зато автор на нескольких страницах знакомит читателей с книгой Г.С. Денисова и В.П. Уланова (2003), явно смешая фокус исследования.

Диссертация характеризуется абстрактностью. В работе, посвященной этнополитике, не упоминаются даже этнонимы – ни авары, ни кумыки, ни даргинцы, ни лезгины, ни табасаранцы. В своей научной жизни я впервые увидел работу по этнополитике без этнонимов. Зато субъектами выступают некие «индивидуды». Основной аргумент соискателя заключается в том, что переход к рыночной экономике расширяет социальную дистанцию и интенсифицирует межэтническое соперничество. Как указано выше, под социальной дистанцией понимаются материальные возможности (доходы, образование, близость к властям и т.д.). Тогда соискатель должен измерить материальные возможности, которыми пользовался каждый этнос при социализме, и анализировать, расширилось ли межэтническое неравенство после перехода России к капитализму. Этим автор, увы, не озабочился.

Альтернативной методикой мог бы быть анализ по каждым спорным пунктам. В период социализма в Дагестане массовая эмиграция горных народов (аваров, даргинцев и т.д.) на равнину вызвала конфликт между горцами и народами равнины (кумыками, азербайджанцами и т.д.) (Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). Махачкала, 2000). Интенсифицировался ли этот конфликт в современной России, после ее перехода к рыночной экономике? Соискатель упоминает о религиозном экстремизме, однако этот феномен скорее интернационален. Кроме того, часто именно дети из обеспеченных семей «уютят в лес». В историографии имеется исследование, анализирующее терроризм в контексте треугольника отношений между суфитами, умеренными и вооруженными салафитами. В Дагестане противостоят Муфтият и другие софистские оппозиционные течения на фоне противостояния аваров, монополизирующих

руководство Муфтията, и других национальностей. Южный Дагестан претендует на религиозную автономию. В.О. Бобровников исследовал, как переход к рынку исламизировал советские институты, в том числе – колхозы и совхозы (Народы Дагестана. 2002. С. 90-105). После перехода к рынку усиливалось самоутверждение малочисленных субэтносов, которые в советское время были включены в более крупные этносы (авары, даргинцы и лезгины): независимость рутулов от лезгин, «сепаратизм» кайтагцев от даргинцев. Эдвард Валкер отмечает, что в Дагестане этноконфессиональные трещины (cleavages) не совпадают друг с другом, а скорее нейтрализуют друг друга (например, кумыки – сунниты и азербайджанцы – шииты, но оба этих народа – тюркоязычные и являются союзниками, когда они встречают иммиграцию горцев), что смягчает межэтнические конфликты, в отличие от ситуации, например, в бывшем Нагорном Карабахе, где все этноконфессиональные трещины совпали друг с другом, и общество оказалось четко расколото на две части (Edward W. Walker, “Russia’s Soft Underberry: The Stability of Instability in Dagestan,” 2000). В диссертации не проанализирован ни один конкретный этнический конфликт ни в Дагестане, ни в России в целом и проигнорированы работы таких известных дагестановедов, как А.И. Османов, Э.Ф. Кисриев, В.О. Бобровников, М.-Р. Ибрагимов, К. Мацузато и Э. Валкер. Дагестан – один из самых глубоко исследованных регионов Российской Федерации, поэтому вряд ли оправдываемо пренебрежительное отношение соискателя к историографии.

Выбор соискателем иностранной литературы имеет во многом случайный характер. Хотя я обратил внимание на его усилие охватить широкий круг литературы, он все-таки очевидно игнорирует известные работы по этническим конфликтам, опубликованные после 1991 года. Большинство из них есть рефлексия конфликтов в бывшем СССР и бывшей Югославии. Приведу лишь несколько принципиальных работ, оказавшихся вне рассмотрения автора диссертации. Nina Caspersen, *Contested Nationalism: Serb Elite Rivalry in Croatia and Bosnia in the 1990s* (2010) – критика тезиса Д. Горовица (Horowitz) о внутриэтнической причине интенсификации конфликта на примере Хорватской и Боснийской войн. Rogers Brubaker, *Nationalism Reframed* (1996), объясняющий обострение этнического конфликта в Хорватии треугольной синергией – национализирующего государства (Хорватия), трансграничного меньшинства (сербы в Хорватии) и зарубежной родины (Сербия). Mary Kaldor, *New and Old Wars* (2012), объясняющий, как насилие и война материализуют нации и делают гражданское разрешение конфликта невозможным. Соискатель игнорирует целый ряд работ, посвященных анализу этно-территориального федерализма СССР, который определил форму и характер этнических конфликтов после его распада: Terry Martin, *Affirmative Action Empire* (2000); Francine Hirsch, *Empire of Nations* (2005); K. Matsuzato, "The Rise and Fall of Ethnoterritorial Federalism: A Comparison of the Soviet Union (Russia), China, and India," *Europe-Asia Studies* 69: 7 (2017).

Игнорируя достижения дагестановедения и прогресс в развитии теории национальностей и конфликтов в последние годы, соискатель, между тем, опирается на труды К. Маркса, Ф. Энгельса и И. Валлерстайна. Часто цитаты из их работ длятся больше страницы диссертации. Несмотря на мое уважение к классикам марксизма-ленинизма, всё это выглядит странно. Неужели специалист думает, что в трудах Фридриха Энгельса есть ключ к пониманию всего многообразия этнических конфликтов в современной России и Дагестане?

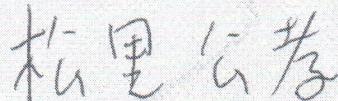
Диссертация не несет эмпирической ценности, так как в ней не проведено ни одного исследования конкретного этнополитического конфликта, нет ни одного проанализированного примера (case study). Теоретическая ценность диссертации тоже выглядит сомнительно из-за анахроничности и случайности использованной литературы. Как научный продукт диссертация существенно страдает от отсутствия системности, слабости эмпирической и доказательной базы. В целом, я считаю, диссертация требует серьезной доработки. Соискатель, в первую очередь, должен осознать значение конкретности и эмпиричности для политологического исследования.

Диссертация Мусаева Абдурашида Идрисовича на тему «Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России» не соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 г. № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Мусаев Абдурашид Идрисович не заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.06. – конфликтология. Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Член диссертационного совета

доктор юридических наук, профессор Юридического факультета Токийского университета, почетный профессор Факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Кимитака Мацузато

27.09.2018 г.